

Ю. К. Кузьменко (Германия, Берлин)

О ПОЯВЛЕНИИ СУФФИГИРОВАННОГО ОТРИЦАНИЯ В ДРЕВНИХ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКАХ

В скандинавских языках сформировалась система отрицания, отличная от системы отрицания других германских языков. Отрицательные частицы *not* и *nicht* в современных западногерманских языках развились из сочетания *ne* + неопределенное местоимение *wiht* со значением «какой-то, что-то». Вначале усиленная отрицательная частица сочеталась с предваряющим ее отрицанием *ne*, а затем стала самостоятельно выполнять функцию отрицания (англ. *ne...no wiht* > *ne...not* > *not*; нем. *ni...niowiht* > *ne...nicht* > *nicht*¹. Исчезновение предваряющего *ne* и переход функции отрицания к усиленному элементу были характерны и для скандинавских языков. Однако в современных континентальных скандинавских языках не сохранилось следов общеиндоевропейской отрицательной частицы *ne*, а в современном исландском она сохранилась только в значении «также не» после отрицания или в составе сложного отрицания *hvortki...ne* в значении «ни...ни». Кроме того, в скандинавских языках элементом, вытеснившим *ne*, была не частица, образованная путем слияния *ne* + *wiht*, а частица с суффиксом, имевшим отрицательное (исконно усиленное) значение (*-gi*). Именно суффиксация отрицательных частиц, следы которой сохраняются в отрицательных словах всех современных скандинавских языков (ср.: исл. *eigi*; шв., норв. *ej*; дат. *ei*; исл. *ekki*; шв. *ecki*; норв., дат. *ikke*; исл. *engin*; шв., норв., дат. *ingen*; исл. *aldregi*; шв., дат., норв. *aldrig* и т. п.) и которая была очень продуктивной в древних скандинавских языках, отличает скандинавские языки от западногерманских языков. Кроме того, в древнеисландском есть отрицательный суффикс *-a(t)* (*vasa* «не был», *fannkat* «я не нашел»), который встречается и в нескольких рунических надписях в континентальной Скандинавии².

Таким образом, скандинавские языки отличаются от других германских языков и исчезновением при общем отрицании следов *ne*,

сохраняющегося во всех индоевропейских языках, и суффиксацией отрицания. Первый процесс, несмотря на свою редкость, имеет соответствие в индоевропейских языках: это и перенос отрицательной семантики как на усилитель, содержащий исконное *ne* (английский и немецкий языки — см. выше), так и на усилитель без *ne* (французский — ср. франц. *ne...pas* > *pas*). Суффиксация же отрицания — явление нехарактерное не только для германских, но и для других индоевропейских языков. Типологически суффиксированное отрицание сближает древние скандинавские языки не с индоевропейскими, а с тюркскими, дагестанскими и эскимосско-алеутскими языками³.

Суффиксация усилителя, встречавшегося прежде всего в сочетании с отрицанием, была характерна и для готского языка, где в качестве усилительной энклитики при неопределенных местоимениях употреблялось *-hun*, которое этимологически связывают со скандинавским *-gi* (ср., готск. *ni hvashun* «никто», *ni hvanhun* (*aiw*) «никогда», *ni mannhun* «никто», *ni ainshun* «никто, ни один»⁴). Однако в готском *-hun* не успело развиться в отрицательный суффикс, а оставалось усилителем, поскольку никогда не употреблялось в значении отрицания без *-ne*. В скандинавских же языках мы встречаемся не только с именным и адвербиальным отрицательным суффиксом *-gi/ki*, но и с приглагольным отрицательным суффиксом, имевшим варианты *-a*, *-at* и *-i*. Попытаемся ответить на вопрос, с чем могло быть связано такое негерманское и даже неиндоевропейское явление в древних скандинавских языках?

Суффиксированное отрицание в древнеисландском языке Отглагольный суффикс *-a(t)*

Глагольный суффикс *-a(t)* был очень продуктивным в языке древнезападноскандинавской поэзии начиная с самых первых ее памятников. Он встречается уже у первого известного нам норвежского скальда IX в. Браги Боддасона: *Letrat lýða stillir... á sandi höð glamma mun stöðva* — Ragnarsdrapa (10) «Не позволит предводитель воинов...остановить шум битвы на песке»; *Vildit vröngum ofra / vágs hyrsendir ægi* (19) «Не хочет вражду затевать воин с морем (Эгиром)». См. также формы *fannkat* «я не нашел», *fráat* «не знает», *vasa* «не было» и т. п. у других скальдов IX в.⁵ О том, что такие формы действительно существовали в то время (тексты скальдов дошли до нас в рукописях, появившихся спустя 300 лет), свидетельствует форма *munat* «не будет» в скальдическом стихе в рунической надписи X в. на острове Эланд (Öl 1, Karlevistenen: *munat raif uifur raða ruk starkr i tanmarku*... «Не будет (больше) сильный в бою Рейд-Видур (вождь) править в Дании...») Суффиксированное глагольное отрицание есть и во многих песнях «Старшей Эдды» (ср., напр., *vara* Vsp. 6, 3; *verðra* Hrb 3, 4; *fannta* Hrb 14, 3; *skala* Háv 35, 2).

Часто суффиговое глагольное отрицание стоит после местоименной энклитики, восходящей к местоимению первого лица ед. числа *ek*, ср. *áka* (Fm 2, 4); *kveðka* (Ls 18, 2), причем такая форма может предваряться полной формой местоимения *ek* (*ek...ákka*; *ek...kveðka*). Возможен и повтор *-k* после отрицания (*þikkak* < *þigg-ek-a-ek* — Skm 22,1).

Формы суффикса *-a*, *-at*, *-t* находятся, как правило, в дополнительной дистрибуции: *-a* употребляется в том случае, если следующее слово начинается с согласного или в конце строки (как, напр., в Ls 22, 5; Akv 6, 7), а также после согласного, хотя возможны и исключения (*rennia* ННП, 30, 5; *letia* Sg 45, 5). В других случаях стоит *-at*: (Ls 28, 5); *verðrat* (Vm 16, 6); *varat* (Vm 38, 8); *villat* (Háv 113, 4); *munat* (Gr 52, 2). После глагольных форм, оканчивающихся на гласный, как правило, стоит простое *-t* (ср.: *værit* Háv 39, 3; *bítat* Háv 146, 6; *sagðit* Нум 14, 1), в Эдде наиболее часто после *-i* (24 случая) и *-u* (11) (*angrapit*, *deilit*, *haldit*, *erut*, *máttut*, *vissut*). Свейнбьерн Эгильссон отмечал связь формы суффикса с количеством слов в слове. Форма *-at* наиболее часта в «Старшей Эдде» в односложных формах (80 случаев), только три примера с *-at* в двусложных формах. Форма *-a* встречается и в односложных (около 80 случаев), и в двусложных формах (30)⁶.

В древнеисландской поэзии *-a(t)* чаще всего употребляется без каких-либо усилителей, однако он может сочетаться и с *né*, прежде всего когда *né* употреблено в значении дизъюнктивного союза «ни...ни», и в сочетании с усилителями отрицания (*aldrigi*, *á engi veg*). В прозе суффикс *-a(t)* встречается намного реже. Однако он возможен в законах, в частности в «Сером гусе», и в пословицах, дважды встречается в Первом грамматическом трактате, редко — в переводной литературе⁷. В сагах он встречается, видимо, только в устойчивых выражениях, как, напр., *Flyra sá eld, er yfir hleypr* «Не бежит от огня тот, кто прыгает через него»⁸.

Вопрос об источниках суффикса *-a(t)* остается открытым⁹. Нет даже единого мнения о том, восходят ли формы *-a* и *-at*, *-t* к одному источнику или нет. По одной гипотезе источником суффикса *-a* было наречие, соответствующее готскому наречию *aiws* «всегда», которое сохраняется в древнеисландском в виде *ey*, *æ*, а форма *-at* восходит к форме среднего рода неопределенного местоимения со значением «одно, некое» (*at* < *eitt* < **eint*), соответствующего реконструируемой (но незафиксированной) готской форме **ainata*¹⁰. Кокк, который первый предложил этимологию *at* < **ainata*, позднее возводил и форму *-a* к тому же источнику¹¹. По Кокку, форма *-at* в некоторых позициях, в частности перед *-k*, имела фонетический вариант *-a* (*má-k-at-k* > *mákakk* > *mákak* «я не могу»). Из формы типа *má-k-a-k-a* проникло в другие формы. Брате, предвзято идею Кокка о едином источнике *-a* и *-at*, предложил рассматривать *-a* как форму, также восходящую к форме среднего рода неопределенного местоимения

«какое-то», однако имевшему вид не **ainata*, а **aina*¹². Дельбрук писал о возможности возведения *-a(t)* к **waiht*, др.-исл. *vætt*¹³, основываясь, вероятно, на развитии отрицательных частиц в западногерманских языках (ср. нем. *nicht* < *ni wiht*), однако древнеисландская форма со словом, соответствующим древневерхненемецкому и древнеанглийскому *newiht*, образована с отрицательным суффиксом *-gi* (*vættiki*, *vættugi*). В современных этимологических словарях мы встречаемся с разными вариантами предлагавшихся классиками скандинавистики этимологий. Единственная гипотеза, не нашедшая поддержки, — гипотеза Дельбрука (*at* < *ne *waiht*). Наиболее популярна гипотеза Кокка—Брате (*-a* < **ain* < **aina*, *at* < **ait(t)* < **aint* < **ainata*)¹⁴.

Если по поводу этимологии *-a(t)* существует расхождение во мнениях, то пути формирования отрицательного значения у суффикса *-a(t)* всеми реконструируются одинаково. Предполагается, что первоначально отрицание выражалось препозитивной частицей *ne*, а элемент (**ainata*, **aina* или **aiws*), ставший впоследствии отрицательным суффиксом, был усилителем отрицания. Конструкция *ne Vb *ainata*, **aina* или **aiwa*, типологически соответствующая французской циркумфиксной конструкции *ne Vb pas*, впоследствии потеряла отрицательную частицу *ne*, и функцию отрицания переняло *-a(t)* (ср. фр. *ne...pas* > *pas*). Так, формы типа *ef födor né áttat* (Fm 3) «если отца не имеешь», *er sína mælgje né manat* (Ls 47, 3) «кто свою болтовню не помнит», *gest þú né geyja, né á hrind hrökkver* (Háv. 134, 5) «гостя ты не ругай и в дверь не выталкивай», в которых общеиндоевропейская отрицательная частица *ne* сочетается с развившимся в общескандинавский период усилительным суффиксом *-a(t)* (*né áttat*, *né manat*, *né geyja*), теряют *né*, и значение отрицания начинает передаваться только суффиксом *-a(t)*¹⁵. В подавляющем большинстве случаев *-a(t)* уже употреблено без *ne*. Предполагается соответственно такая последовательность изменений: *geyja* < *né geyja* < **ne gaujeina(ta)* или **gauj-aiwa*. На каком этапе усилитель стал восприниматься как отрицание (типа компонента двойного отрицания в русском, ср. *никогда не ругай*), сказать трудно. Во всех засвидетельствованных древнеисландских памятниках *-a(t)* уже имеет значение отрицания.

Неккель считал, что в скандинавских языках отрицательная частица *né* исчезла вначале после паузы при постановке глагола на первое место, т. е. в сочетании *né veit(at) Haraldr* отрицание *né* исчезло, а в сочетании *Haraldr né veit(at)* сохранялось¹⁶. Поскольку постановка глагола в начало древнеисландского предложения — обычное явление, то потеря *né* в такой позиции привела к переносу отрицательного значения на суффикс *-a(t)* или на суффикс *-gi*¹⁷.

Суффиксальное *-a(t)* было архаичным уже в языке древнеисландских памятников, а в континентальной Скандинавии *-a(t)* встречается только в рунических надписях, причем крайне редко. Обычным показателем общего отрицания и в языке древнеисландской прозы,

и в других древнескандинавских памятниках является отрицательная частица *eigi* (др.-шв., др.-дат. *eghi, æghi, egh*), образованная с помощью другого отрицательного суффикса (*-gi/-ki*).

Отрицательный суффикс *-ki/-gi*

Суффикс *-a(t)* являлся прилагательным суффиксом общего отрицания. Именное и адвербиальное отрицание выражалось суффиксом *-kil-gi*. Суффиговое отрицание *-kil-gi* при существительных представлено в «Эдде», ср.: *Við hleifi mik sældu né við hornigi nýsta ek niðr Háv. 49*, «мне не дали ни хлеба ни рога а я не увидел внизу» (Ls 39, 4), *Úfgi hefir ok vel / er í böndom skal / böpa ragna riðkrs* «Волку тоже будет не хорошо (букв. не Волку будет хорошо), когда в оковах будет ждать гибели богов»; *Vingi* «Недруг» (интерпретируется обычно как имя собственное) — *Rúnar nam at rista / rengði þær Vingi* «Руны начертала / испортил их Недруг» (Am 4, 1). С прилагательными, местоимениями и наречиями подобное отрицание встречается гораздо чаще: *þörfgi* «ненужный» (Háv 39, 8); *viltki* «неприятный» (Gdr 26, 6); *svági* «не так» (Háv 39, 5; Akv 25, 9); *þatki* «не это» (Hrb 6, 5; Gpr III 3, 6); ср. также очень частотные *mangi* «никто», *eingi, einginn (eittki, ekki)* «никто (ничто), никакой»; *hvergi* «ни тот ни другой»; *vatki, þatki* «никакой»; *vætki* «ничто» и т. п.

Считается, что именно из сочетания суффикса *-gi* с наречием *eu* «всегда» и образовалась прилагательная отрицательная частица во всех древних скандинавских языках (ср. др.-исл. *eigi*, др.-шв. *æghi*, др.-дат. *egh*). Начиная с XV в. ее постепенно вытесняет другое образование с этим же суффиксом, восходящее к сочетанию *-gi* с неопределенным местоимением, в свою очередь восходящим к числительному «один» (исл. *ekki*, дат., норв. *ikke*, шв. *icke < eittki*).

Считается, что первоначальное значение суффикса *-gi* было не отрицательным, а только усиительным¹⁸. В некоторых случаях только усиительное значение еще сохраняется в древнеисландском (ср., напр., *...því at hit næsta sumar gat hvergi ber á Íslandi* «...потому что следующим летом каждый собирал ягоды в Исландии», *ef ættir vilgi mikils vald* «если ты имеешь очень большую власть», ср. также *hvergi* «везде», *nærgi* «когда-нибудь»¹⁹. В тех случаях, когда *-gi* сочетается с отрицанием *eigi* (*eigi miklogi minna*) или *né* (см. выше *né...hornugi*), его также можно, видимо, интерпретировать только как усилитель.

Скандинавское *-gi* связывают с готским *-hun*, который употреблялся для усиления отрицания с неопределенными местоимениями (см. выше). Частица имеет соответствия и во многих индоевропейских языках (ср.: лат. *-que*, особенно в формах типа *quisque, quodque*, «каждый», *quicumque* «который бы ни», слав. *же*, греч. *ge*, древнеинд. *gha*). Во всех индоевропейских языках эта частица имеет

прежде всего усилительное (или выделительное) значение. Только в древних скандинавских языках суффикс *-gi* имеет отрицательное значение. Появление у скандинавского суффикса *-gi* негативной семантики связывают с исчезновением отрицательной частицы *ne* в конструкциях типа *né veit eighi > veit eighi*²⁰. В самых старых исландских текстах (у скальдов X в.) *-gi/ki* имеет уже в основном только отрицательную семантику. Только отрицательную семантику имеет *-gi/ki* и в рунических надписях младшими рунами, где оно чаще всего встречается в форме *iki, aki*, которая интерпретируется как *eighi, eghi*²¹.

В индоевропейских языках мы встречаем как циркумфиксное отрицание²², так и отпадение первой части циркумфиксного отрицания, а также передачу функции отрицания второму компоненту (ср., напр., развитие во французском). Однако и существование конструкции с суффиксированным усилителем, и особенно суффиксация частицы с отрицательной семантикой — явления необычные не только для германских, но и для других индоевропейских языков.

В ряде последних работ я пытался показать, что появление в скандинавских языках таких агглютинативных черт, как суффиксированный артикль и суффиксированный пассив, могло быть связано с саамским влиянием²³. Не может ли суффиксация отрицания в древних скандинавских языках также стоять в одном ряду с этими явлениями?

Выражение отрицания в саамском языке

На первый взгляд саамская и скандинавская системы отрицания кардинально отличаются друг от друга. Принято считать, что в саамском, так же как и во многих других финно-угорских языках, нет отрицательной частицы, а общее отрицание образуется аналитически из личной формы вспомогательного отрицательного глагола и особой отрицательной неизменяемой формы основного глагола.

Отрицательный финитный глагол

Отрицательный глагол спрягается по лицам и числам (ср. сев.-саам. Sg. 1. *in*, 2. *it*, 3. *ii*; Dual. 1. *ean*, 2. *eahppi*, 3. *eaba*; Pl. 1. *eat*, 2. *ehpet*, 3. *eai*; ср., напр., сев.-саам. 1. sg. наст. вр. *in bora* «я не ем» (*borrat* — «есть»); *in boade* «я не прихожу» (*boahtit* «приходить»); 2. sg. *it bora* «ты не ешь», *it boade* «ты не приходишь»; 3. sg. *ii bora*, pl. *eai bora* («он не ест, они не едят»); *ii boade, eai boade* («он не приходит, они не приходят»). Однако спряжение отрицательных глаголов отличается от спряжения обычных глаголов. Отрицательный глагол не несет в себе обязательных для всякого глагола лексических и синтаксических значений. Как правило, у него нет показате-

лей времени и наклонения — самых важных глагольных характеристик. Формы презенса употребляются и для обозначения отрицания в претерите потенциалисе и кондиционалисе. Показатель наклонения имеет инфинитная форма основного глагола (ср. сев.-саам. *in jeara* «я не спрашиваю» — *indikativ, in jearaš; konditionalis in jearaše (jearale), jearrat* — «спрашивать»). В претерите временной показатель тоже оказывается в форме основного глагола — ср. *in boah tán* «я не пришел», *in jearran* «я не спросил», где *boah tán* и *jearran* являются формами причастия II. Соответственно форма перфекта выглядит как *in leat boah tán*.

Хотя изменяемые по лицам и числам формы традиционно и называются отрицательными глаголами²⁴, это скорее дань традиции, поскольку основные глагольные категории время и наклонение не выражаются этими формами. В финно-угорских языках заметна тенденция к превращению отрицательного глагола в отрицательную частицу. При описании системы глагольного отрицания в финском языке, которая сходна с саамской, Селицкая определяет финские формы *en, et, ei* и т. п., которые также не являются формами времени и наклонения, как отрицательные частицы²⁵, которые в сочетании с отрицательным знаменательным глаголом образуют аналитическую форму²⁶. В финском языке возможно употребление *ei* и в значении «нет» — *ei ainoastaan tänään vaan myöskin huomenna* («не только сегодня, но и завтра»), *oletko sind Aarnio? Ei, mind en ole Aarnio* («Ты Арнио? Нет, я не Арнио») ²⁷. Селицкая утверждает, что в прибалтийско-финских языках отрицательная частица имеет чисто формальное значение²⁸. Превращение отрицательного глагола в отрицательную частицу можно наблюдать и в других финно-угорских языках. Так, в эстонском языке форма третьего лица, ед. числа *ei* распространилась на все лица — *ma ei palu* «я не принесу», *sa ei palu* «ты не принесешь»; в отрицательную частицу превратился отрицательный глагол в мордовском языке²⁹. В истории финно-угорских языков мы можем наблюдать и превращение исконных отрицательных глаголов в отрицательные дизъюнктивные союзы *ni... ni* (как, напр., в эст., фин., карел., вепс. *ei...ei*, особенно часто в эстонских и финских диалектах)³⁰. Причем в таких образованиях участвует и усилительный суффикс *-kä*, который в финском присоединяется к личной форме отрицательного глагола *enkä, etkä, eikä*, а в других финно-угорских языках основой для таких союзов является только форма третьего лица ед. числа — ср. эст. *ega*, карел. *eika*³¹.

В саамском, так же как и в других финно-угорских языках, много выделительных частиц. Одной из самых употребительных является энклитика *-ge*, стоящая при глаголах, местоимениях и наречиях в вопросительных и отрицательных предложениях: ср.: сев.-саам. *in mana gosage* «я никуда не пойду» (*gos* «где, откуда»), *mai'dige men gallaen gáv'dnan* «ты нашел что-нибудь» (*mii, ma-* «что, какой»), *mihkkege*, пом. sg. («что-нибудь»), pl. *mahkkige, guhtege* «кто угодно» (*guhte*

«какой, кто»), *goas 'sege* «когда-нибудь» (*goas* «когда») ³², южно-саам. *gân, gânnâ... gih: ij leæh mân-gân štuore* «он совсем небольшой», *men ij âkte-gân haga-sietere* «но не было ни одного пастбища» ³³. Ср. также формы типа *imge mon diepe* «и я того не знаю», *im diepe imge ar 'ved* «я того не знаю и не понимаю», *i dât-ge datto* «и он тоже не хочет» ³⁴. Мы видим, таким образом, что усиливающая отрицание энклитика *-ge* может присоединяться как к отрицательному вспомогательному глаголу (*imgeinge, iige, itge*), так и к местоимениям и наречиям (*gosage, dâtge*). Энклитика *-ge* встречается в саамском и при существительных и прилагательных.

Отрицательная инфинитная форма основного глагола

Второй составляющей аналитической формы отрицания в финно-угорских языках является инфинитная глагольная форма основного глагола. В современных саамских диалектах эта форма имеет разный вид. Отличие состоит прежде всего в форме суффикса в ауслауте /k/, /t/, /h/ или ноля звука ³⁵. Примерную картину распределения суффикса в ауслауте отрицательных форм можно представить себе, сравнив индикатив отрицательной формы глагола «быть» в современных саамских диалектах: /k/ — Калфьюрь (Kalfjord), Хелгой (Helgøy), Карашок (Karasjok), Полмак (Polmak) *læk*; Оутакоски (Outakoski) *leähk*; Нессебю (Nesseby) *leäk*; /t/ — Каутокейно (Kautokeino) *læt*; Квенанген (Kvenangen) *leät*, *lä't*; Реппекьюрь (Reppefjord) *leät*; /h/ — Рерус (Røros) *leæh*; Мало (Male), Южный Йоккмокк (Jokkmokk), Центральное Елливаре (Gällivare) *läh*; Северный Йоккмокк *le : h*; /0/ — Сааривуома (Saarivuoma) *lä*; Патсйоки (Patsjoki) *la*; Суоникюлэ (Suonikylä) *lea*; Нуортиерви (Nuortijärvi) *le — la'*; Териберка (Teriberka) *le* ³⁶.

Во многих случаях /k/ или /t/ могут чередоваться с /h/ или с нулем звука. Соответственно часто чередование /h/ — /0/, как, например, в диалекте Уме — *guula(h)* «слушать», *beede(h)* «приходить». Нулевая форма представлена во многих диалектах ³⁷ и в северосаамской литературной норме (ср., напр., (ii) *bora, gula* «(он, она не) ест, слышит», *borrat* «есть», *gullat* «слышать»), хотя в неравносложных глаголах здесь, как и во многих других диалектах, — суффикс отрицательной глагольной формы *-t* (ср., напр., отрицательные формы *cohkket, ráhkkat, bonjat, viegat, leat* от глаголов *cohkkedit* «садиться», *ráhkadit* «(из)готовить», *bonjagit* «искривиться», *viegahit* «гнать», *leat* «быть») ³⁸.

Предполагается, что исконным показателем этой формы было *k (показатель презенса и императива) ³⁹, которое в современных диалектах имеет разные рефлексy. Теперь редки диалекты с /k/ или /t/ во всех формах. Они сохранились главным образом в односложных и в других неравносложных глаголах, однако еще в XIX в. в приморских саамских диалектах Норвегии конечный согласный сохранял

исконное /k/ и в равносложных глаголах (*i davak* «не делай!», *i boaðek* «не приходи!», *i suöladak* «не воруй!»)⁴⁰.

В прасаамском предполагают совпадение конечных *-t* и *-k* и развитие $t > k > h$ или $k > t > h$ ⁴¹. Такое же развитие было характерно и для показателя инфинитива, который в современных диалектах имеет вид /-t/, /-k/, /-h/⁴².

Чередование /t/ — /h/ — /0/, /k/ — /h/ — /0/ может быть факультативным. В некоторых случаях в одном и том же говоре у разных информантов возможны разные формы /h/ — /hk/ — /ht/ — Каресуандо (*Karesuando*), Кенкэмэвуома (*Könkämävuoma*)⁴³. Однако в большинстве саамских диалектов чередование согласных является позиционным и зависит от количества слогов. Так, в Рерусе в равносложных словах стоит /h/, а в неравносложных — /t/, т. е. в односложных формах (например, в частотном глаголе «быть») стоит *-t*, а в двусложных формах *-h*⁴⁴.

Появление суффигового отрицания в скандинавских языках

В скандинавских языках была сильна тенденция к суффиксации постпозитивных безударных местоимений, приведшая к образованию как суффигового определенного артикля, так и пассива на *-s(k)*. Эти чуждые другим германским языкам явления я пытался связать с языковыми контактами, в частности с саамским влиянием на скандинавские языки. И морфологическое выражение определенности (суффиксацию артикля), и появление синтетической формы медиа я рассматривал как заимствование морфологической модели. Таким образом, скандинавское постпозитивное указательное местоимение *hinn (inn)* было реинтерпретировано в скандинавской речи саамов как суффикс, соответствующий суффиксам саамского посессивного склонения, а энклитический вариант возвратного местоимения при соответствующих по значению глаголах (*-sk, -s*) как отличный от возвратного медиальный суффикс в соответствии с различным морфологическим выражением возвратности и медиальности в саамских языках⁴⁵. Обе указанные черты, характерные вначале только для скандинавской речи саамов, распространились затем и в собственно скандинавские диалекты. Социолингвистическая ситуация до принятия скандинавами христианства и до стигматизации саамов не препятствовала такому распространению.

Не могло ли скандинавское суффиговое отрицание появиться вначале также в результате переинтерпретации саамской модели в скандинавской речи саамов? Думается, что слишком многое в саамском и скандинавских языках оказывается схожим, чтобы можно было бы говорить просто о случайном совпадении.

Развитие отрицания $-a(t)$

Развитие суффиксированного отрицания $-a(t)$ в скандинавских языках можно представить себе следующим образом. Скандинавские неопределенные местоимения, употреблявшиеся для усиления отрицания в постпозиции ($*ne Vb *aiwa$, $*aina$, $*ainat(a)$), могли, вероятно, иметь редуцированные варианты (подобно вариантам $-s(k) / -sik$), реализовавшиеся как $-a$ ($<*aina$, $aiw(a)$) или $-at$ ($<*ainata$). Традиционно такое развитие и предполагалось. Дальнейшие изменения в скандинавских языках, т. е. суффиксация, объяснялись фактически только постпозицией. Однако постпозиция далеко не всегда ведет к суффиксации, что становится особенно ясно при сравнении развития отрицания в западногерманских и в других индоевропейских языках. Импульсом к суффиксации в скандинавских языках были саамские отрицательные формы с суффиксами $/-t/$, $/-h/$ и $/0/$. Основы саамских отрицательных инфинитных форм могли оканчиваться на $-i$ (e), $-o$ (u), $-a$. Самым продуктивным основообразующим глагольным суффиксом был $-a$, т. е. отрицательная форма таких глаголов могла иметь вид $Vb + at$, $Vb + ak$, $Vb + ah$, $Vb + a$ (т. е. $im(in)$, it , ii) $borat$ / $borak$ / $borah$ / $bora$ «(не) ем, ешь, ест»; $gulat$ / $gulak$ / $gulah$ / $gula$ «не слышу, не слышишь, не слышит» и т. д.). Именно формы типа $borat$, $borah$ и $bora$ и способствовали в первую очередь переинтерпретации редуцированных усилителей отрицания в скандинавском языке саамов как суффиксов, соответствующих суффиксам саамских отрицательных глагольных форм. Иными словами, скандинавские редуцированные формы типа $*ne etr a(t)$ (редуцированная форма, соответствующая полной форме $*ne etr ainat (aiwa)$ «не ест» или $*ne heyr a(t)$ ($*ne heyr *ainat (aiwa)$ «не слышит»), были реинтерпретированы саамами как формы, аналогичные саамским формам (ii) $borat$ ($bora/borah$), (ii) $gulat$ ($gulah / gula$). Скандинавские глагольные формы на $-ile$ и $-u(o)$, отрицательный суффикс которого имеет вид $-t$ ($skylit$, $máttut$), сопоставлялись с саамскими отрицательными формами на $-i(e)$, $-o(u)$ типа совр.-саам. (ii) $cieru$ ($<cieruh <cierut$), (ii) и $boade$ ($<boadeh <boadit$). Истоки скандинавских отрицательных форм на $-a$ и $-at$ можно найти в современном северосаамском, где в равносложных формах — нулевой суффикс (ср. ii $bora$, $gula$), а в неравносложных — $-t$ (ср.: ii $ráhkát$, $leat$). Заметим, что происходило не простое заимствование саамских суффиксов в скандинавские языки, а реинтерпретация редуцированных скандинавских форм как суффиксов в соответствии с саамскими суффиксами отрицательных глагольных форм. Фонетическое совпадение саамских суффиксов $/a-0/$, $/a-h/$, $/a-t/$ с редуцированной формой скандинавских усилителей $-a$, $-at$, $-t$ еще более благоприятствовало возможности такой реинтерпретации. Таким образом, в данном случае речь идет не только о совпадении грамматической модели, как, например, в случае с суффиксацией определенного артикля

в скандинавских языках и со способом выражения притяжательности в саамском, но и об определенном фонетическом совпадении, т. е. мы имеем здесь типологическое соответствие с развитием скандинавского суффиксированного медиа на *-s(k)*, соответствующего саамским медиальным формам на *-s-*.

Возможно, что замеченная Свейнбьерном Эгильссоном закономерность употребления формы *-at* в «Старшей Эдде» в односложных словах (см. выше) связана с разными формами суффикса отрицательных глагольных инфинитных форм в саамских диалектах, где односложные формы имеют *-t*, а двусложные *-h* или ноль звука форм (ср. сев.-саам. *læt*, но *gula*).

Традиционно предполагалось, что именно отпадение *ne* в древних скандинавских языках привело к тому, что значение отрицания перешло на суффиксированный усилитель (см. выше), однако более вероятным кажется предположение о том, что *ne* отпало тогда, когда отрицание уже выражалось усилителем. Возможно, что отпадение *ne* перед глаголами следует рассматривать в одном ряду с отпадением глагольных приставок в скандинавских, т. е. с той чертой, которая отличает древние скандинавские языки от других древних германских языков⁴⁶ и которая тоже может быть связана с саамским субстратом.

Из скандинавских диалектов на саамском субстрате суффиксальное отрицание распространилось и в собственно скандинавские диалекты.

Отрицательный суффикс *-gi*

Традиционно в данном случае предполагается развитие, аналогичное развитию *-a(t)* (**ne var ainata* > **ne var a* > **ne vara* > *vara*), т. е. *eigi* < **ne ei gi* < **ne aiw gin* («никогда» + усилительная частица), *eingi* < **ne einn gi* < **ni ainaR gin* («никто» + усилительная частица), *ekki*, *etki* < **ne eitt ki* < **ne ainata gin* («ничто» + усилительная частица) и т. п.⁴⁷

Суффиксацию выделительной частицы *-ge* можно наблюдать в редких случаях и в других древних германских языках (др.-англ. *hwergen*, др.-сакс., др.-в.-н. *hwargin*, *hwergin* «где-нибудь» — ср. др.-исл. *hvargi*, *hvergi* «езде, нигде», др.-шв. *hwarghi*, *hwarghin*). Особенно много форм неопределенных местоимений с суффиксацией *-hun* в готском (ср. выше). Однако ни в одном германском языке нет такого богатства суффиксированных форм с *-gi*, как в древних скандинавских языках. Кроме того, ни в одном германском языке *-gi* не превратилось в отрицательный суффикс. Обе скандинавские изоглоссы (продуктивность суффиксации *-gi* и превращение *-gi* в именной и адвербиальный суффикс отрицания) можно объяснить саамским влиянием.

Коллиндер, доказывая родство финно-угорских и индоевропейских языков, в качестве одного из доказательств сходства их основ-

ного словарного запаса приводил сходство формы и функции финно-угорского *-gi* (фин. *-ki, kin*; вепс. *-gi*; эст. *-gi, -ki*; саам. *-ge, -ke*) и индоевропейской усилительной частицы (санскр. *ca*, лат. *que*, готск. *hun*, сканд. *gi*)⁴⁸. Оставив в стороне вопрос об исконном родстве финно-угорских и индоевропейских языков, обратим внимание прежде всего на морфологическое и семантическое сходство усилителя отрицания в древнескандинавском и саамском, ср. сев.-саам. *gostege* (в вопросительных предложениях «откуда-нибудь», в отрицательных — усилитель отрицания «ниоткуда»), *gosage* («куда-нибудь, никуда»); *maidege* (Akk. Sg.), *mihkkege* (Nom. Sg.), *mange* (Gen. Sg.), *masage* (Ill. Sg.), *mastege* (Lok. Sg.), *mahkege* (Nom. Pl.) («что-то, что-нибудь, ничего»), *goassege* («когда-нибудь, никогда»); *guhtege* «кто угодно, никто» и т. п. и др.-исл. *hvatki* «какое угодно, никакое» (*hveskis* Gen., *hvegi* Dat (er)); *hvergi, hverigur* «каждый, любой, какой бы ни»; *hvargi, hvergi* «везде, нигде»; *vilgi* «совсем не, очень», *aldrigi* «никогда», *hvárgi (hvorgi), hvárki (hvortki)* «ни один из двух, ни тот ни другой», *vætki* «никто, ничто», *vættugi* «ничто»; *þatki* «не это», *ekki, etki* «ничто», *eingi(nn)* «никто», *eigi* «не» (исконно «никогда»). В древнеисландском языке у некоторых местоимений мы встречаемся как с позитивно усилительным, так и с отрицательным значением *-gi*, как в *hvatki, hvargi, hvergi, vilgi*, в большинстве же случаев *-gi* имеет только отрицательное значение.

Если усилительное значение *-gi* соответствует суффиксации усилительного зап.-герм. *-gen* и готск. *-hun*, хотя количество готских и особенно зап.-герм. суффиксальных образований не идет ни в какое сравнение с количеством скандинавской суффиксации *-gi*, то превращение *-gi* в суффикс отрицания — только скандинавское явление. Продуктивная суффиксация *-ge* в саамском (примеры см. выше) была тем катализатором, который может объяснить продуктивность суффиксации в древних скандинавских языках по сравнению с другими германскими языками. Однако функции *-gi* в скандинавских языках могут отличаться от функций *-ge* в саамских языках — в огромном большинстве форм *-gi/ki* является единственным показателем отрицания в древних скандинавских языках. Такое развитие, которое наблюдалось исключительно в скандинавских языках (появление только отрицательного *-gi*), можно также объяснить саамским влиянием и прежде всего реинтерпретацией скандинавского усилителя *eigi** «никогда» в отрицательных предложениях как формы, соответствующей так называемому саамскому отрицательному глаголу с усилителем *-gi*.

Появление отрицательного значения у *-gi* связано в первую очередь с реинтерпретацией формы *eigi* < **ne ei gi* (< **ne aiwa gin*) «никогда», которая была реинтерпретирована в скандинавской речи саамов как элемент аналитической отрицательной конструкции, соответствующей так называемому отрицательному глаголу с усилительной частицей *-gi*. Форма *ei gi* соответствует саамской форме тре-

тьего лица ед. числа *ii-gi / ei-gi*. Мы уже обращали внимание на то, что та форма, которая обычно интерпретируется как саамский отрицательный глагол, не имеет важнейших глагольных характеристик и может трактоваться как спрягаемая отрицательная частица. Соответственно скандинавские формы с усилителем *eu* и с выделительной частицей *gi* были реинтерпретированы говорящими по-скандинавски саамами как формы, соответствующие саамской спрягаемой отрицательной частице (так называемому отрицательному глаголу) в сочетании с суффикзированной частицей *-gi* (*in, it, ii/ei+gi*). Таким образом, скандинавские сочетания типа **ne ei-gi etr / *ne etr ei gi* «никогда не ест» были сопоставлены в скандинавской речи саамов с саамским *ii-gi / ei-gi bora(t)* «не ест». Поскольку в таком случае скандинавское *ei* реинтерпретировалось как отрицание, а не как усилитель, отпадала необходимость в *ne*, которое в большинстве скандинавских языков исчезло, а в исландском сохранилось только в дистрибутивном союзе *ne...ne, hvortki...ne*. Таким образом, именно форма *eigi* *«никогда» была той формой, в которой прежде всего развилось отрицательное значение у *-gi*, откуда оно распространилось и на другие формы.

Любопытно, что древнескандинавский отрицательный суффикс *-a(t)* употребляется только с глаголами, а *-gi* — с именами и наречиями. Употребление *-at* соответствует употреблению саамского суффикса отрицательной глагольной формы (*/t/, /h/, /o/, /k/*), который возможен только с глаголами, а употребление скандинавского *-gi* соответствует употреблению саамской энклитики *-gi*, которая возможна с именами и наречиями или со спрягаемой отрицательной частицей (так называемым отрицательным глаголом). Появление или, возможно, сохранение индоевропейского *-gi* при существительных (как в *hornigi* или *úlfgi*) тоже могло быть связано, с одной стороны, с возможностью употребления саамского *-gi* с существительными, а с другой — с генерализацией у *-gi* значения отрицания при реинтерпретации *eigi* как отрицательного слова (см. выше).

Изменения показателей общего отрицания в древних скандинавских языках

Традиционно предполагают наличие следующих этапов развития общего отрицания в скандинавских языках *ne > at > eigi*⁴⁹. Неккель полагает, что в IX–X вв. *eigi* еще не стало приглагольной отрицательной частицей, а сохраняло исконное значение «никогда». Начиная примерно с 1150 г. *eigi*, однако, уже полностью вытесняет *-a(t)*⁵⁰. Однако на этом изменения показателей общего отрицания не заканчиваются. Примерно через 400 лет (в XV–XVI вв.) *eigi* уступает во всех скандинавских языках свое место новому показателю общего отрицания, развившемуся из неопределенного местоимения *ekki*

«ничто, никакой». Это местоимение являлось формой среднего рода местоимения *eingi(n)* и было образовано с помощью отрицательного суффикса *-gi/ki* от неопределенного местоимения *eitt* (*eitt + ki > ekki*; ср. исл. *ekki*; шв. *icke*; дат., норв. *ikke*) по известной модели (ср. выше). Местоимение *ekki* встречается уже в самых старых скандинавских памятниках, однако в древних скандинавских языках оно сохраняет еще свое исконное значение «ничто». В редких случаях, однако, в древнеисландском *ekki* употребляется вместо показателя отрицания *eigi*⁵¹.

Таким образом, начиная с VI в., когда в надписи из Эггьюма впервые было засвидетельствовано отрицание *ne*, и до современного состояния можно наблюдать следующее развитие общего отрицания: *ne > a(t) > eigi > ekki*, (*icke*, *ikke*). В шведском языке это изменение прошло на ступень дальше (**ne > *a(t) > eghi > icke > inte*). Показатель отрицания в современном шведском языке (*inte*) — первоначально форма Nom. и Akk. среднего рода от местоимения *ingen* (*inte < ingte*).

Суффиксальное отрицание *-a(t)* исчезло не потому, что было суффиксальным. Появившиеся одновременно с ним суффиксальные формы определенного артикля и пассива сохраняются до сих пор. Дело здесь в самой природе показателей отрицания, относящихся к одной из групп слов, которые чаще, чем многие другие группы слов или форм, проходят цикл *A' > A > B' > B > C' > C > D' >* и т. д., где ' означает стилистическую маркированность. Стилистически нейтральное слово (или форма) вытесняется стилистически маркированным словом (или формой), которое, вытеснив старое слово и став стилистически немаркированным, подписывает себе смертный приговор, и на его место приходит новое стилистически маркированное слово и т. д. В лексике к таким словам относятся, например, слова со значением «мальчик» и «девочка», слова, обозначающие некоторые части тела, наречия меры и степени и т. д. Так, нейтральное *sven* со значением «мальчик» было вытеснено в шведском языке стилистически маркированным финским заимствованием *pojke*, которое, заняв место *sven*, стало немаркированным, что привело к появлению нового маркированного слова *kille*, место которого уже готово занять одно из более сотни маркированных слов со значением «мальчик, парень», остающихся пока за рамками литературной нормы. Суффиксальное отрицание *-a(t)* было одним из звеньев подобной цепи. Общегерманское (и общиндоевропейское) *ne* вытесняется в скандинавских языках суффиксом *-a(t)*, который вначале был усиленным маркированным суффиксом. Став единственным показателем отрицания, *-a(t)* утратил свою маркированность, которая стала выражаться усилителем *eigi*, имевшим значение «никогда». Это отрицание, пройдя такой же путь, было в свою очередь вытеснено усилителем с исконным значением «ничто, никакой» (*ekki*). Причем каждая последующая форма отрицательной частицы (*ne > -a(t) > eigi > ekki*) не являлась новой формой. Она существовала как усилитель отрица-

ния одновременно и с показателем отрицания, и с другими усилителями отрицания, т. е. *at*, *eigi*, *ekki* существовали в то время, когда немаркированным показателем отрицания было *ne*, а *eigi* и *ekki* существовали в период, когда немаркированным показателем отрицания было *-at*, а *ekki* существовало в период, когда немаркированным показателем отрицания было *eigi*.

О возможности проникновения черт саамской интерференции в собственно скандинавские диалекты

Особые скандинавские изоглосы в системе отрицания (глагольный отрицательный суффикс *-at* и именной и адвербиальный отрицательный суффикс *-gi*) предлагается выше рассматривать как следствие реинтерпретаций скандинавских форм и значений в скандинавской речи саамов в соответствии с формой и значением соответствующих форм в саамских языках. И по механизму своего возникновения, и по времени (VIII–IX в.) скандинавское суффиксированное отрицание соответствует двум другим важным скандинавским изоглоссам (суффиксированному определенному артиклю и суффиксированному пассиву), которые также могут рассматриваться как реинтерпретация скандинавских грамматических моделей в скандинавской речи саамов в соответствии с саамскими грамматическими моделями. Очевидно, что такая грамматическая интерференция могла быть характерной для скандинавской речи саамов. Но каким образом эти явления могли проникнуть в собственно скандинавские диалекты, если отношение к саамам в VIII–X в. было таким же, каким оно было в более позднее время (фактически их стигматизация)?

После находки саамского захоронения в ладье Стенвик призывал «к более нюансированному пониманию отношений скандинавов и саами в доисторические времена»⁵². И такой призыв был услышан историками и археологами, но оставался неуслышанным лингвистами-скандинавистами.

И археологические памятники⁵³, и ономастика, и древнеисландская литература свидетельствуют о том, что и область обитания саамов, и отношение скандинавов к саамам до принятия скандинавами христианства было иным.

Согласно данным современной археологии, и в железный век, и в раннее средневековье саами занимали не только север Скандинавского полуострова, но и его центральную часть⁵⁴. Причем археологи и антропологи находят материал, свидетельствующий о саамо-скандинавских браках⁵⁵, что подтверждают и древнеисландские саги. Снорри рассказывает о том, что одной из жен Харальда Прекрасноволосого (умер в 933 г.) была саами Снефрид, родившая ему четверых сыновей, которым Харальд потом отдал Рингарики, Хадаланд и Тотн⁵⁶. Когда она умерла, конунг горевал над ее телом три года. В другой саге

рассказывается о том, что горе конунга было так велико, что он сочинил драпу в память о Снефрид, это произведение дошло до наших дней⁵⁷. Хотя высказывались сомнения в аутентичности драпы Харальда, крупнейшие специалисты по скальдической поэзии Финнур Йоунссон и Эрнст Кокк считают именно Харальда ее автором⁵⁸. Женильба Харальда на Снефрид (именно женильба, а не превращение Снефрид в наложницу) свидетельствует о том, что взаимоотношения скандинавов и саамов в эпоху Харальда Прекрасноволосого, т. е. в начале X в., были дружескими. У христианина Снорри вся история со Снефрид интерпретируется в соответствии с христианскими представлениями. Снорри говорит о том, что конунг был околдован финкой (так назывались саами в исландских сагах), а когда Торлейв Умный излечил Харальда от колдовства, из тела Снефрид «повыскакивали змеи, ящерицы, лягушки, жабы и всякого рода гады»⁵⁹. Именно представители этой фауны выбегают обычно из свергнутых языческих идолов (мотив, типичный для христианской литературы).

Сын Харальда Эрик Кровавая Секира взял в жены Гуннильд, которая до этого долгое время жила у саамов в Финнмарке, «чтобы научиться у них колдовству»⁶⁰. Представление о саамах как о сведущих в колдовстве в эпоху скандинавского язычества еще не имело отрицательной коннотации. Таким «положительным» колдуном представлен в Песне о Велунде чудо-кузнец Велунд, отец которого, судя по прозаическому введению, был саамским конунгом (*finnskr konungr*). Традиционные эпитеты, характеризующие саамов в древнеисландских сагах, — *margfróðr*, буквально «многомудрый», *ffjölkunigr* «многознающий, многоумеющий» — относятся именно к этому времени. Руническая надпись на черенке лопаты из Исландии (XII в.) дает нам еще одно интересное свидетельство саамо-скандинавских контактов. Слово *boattiat* в этой надписи (*boattiat mik inkialtr kærþi*) трактуется как саамская форма инфинитива (совр. сев.-саам. *boahit* «приходить»), употребленная в императивном значении «приди», т. е. «возвращайся в случае утраты». Вся надпись интерпретируется соответственно как «возвращайся (саамская формула заклинания), меня сделал Ингъяльд»⁶¹. То, что в заклинании использована саамская формула, совершенно естественно, поскольку именно они были в языческой Скандинавии высшими авторитетами в этой области. Напомним, что слова *margfróðr* и *ffjölkunigr* значили не только «многомудрый и многознающий», но и «сведущий в колдовстве». Херман Паульсон рассматривает исландский ритуал колдовства (*seiðr*) «как часть саамского наследия»⁶². Многие в языческих представлениях скандинавов и саами было общим. Историк и археолог Сахриссон пишет о том, что в эпоху викингов саами и скандинавы «жили в определенном симбиозе»⁶³. Связи скандинавов с саамами в этой области не прекращались и после принятия скандинавами христианства, несмотря на сопротивление церкви. В церковном праве XIII в. внутренних восточнонорвежских провинций Хедмарк, Раумарике,

Хаделанд и Гудбрандсдален, входивших в область действия законов Eidsiva íngslag, и приморских провинций восточной Норвегии, входивших в область действия законов Borgar íngslag, запрещается «ездить к саамам» (*fara till finna, gera finnfarar*), «верить саамам» (т. е. верить в предсказания саамов — *trúa á finna*) и «ездить в Финнмарк за пророчеством» (*at fara á Finnmerkr at spyrja spá*)⁶⁴. Слово «Финнмарк» обозначает при этом не теперешнюю провинцию Финнмаркен, а просто область, где обитали саамы, южные границы которой доходили почти до Осло в Норвегии и до озера Меларен в Швеции (ср. карту, приводимую Сахриссон⁶⁵). Такой запрет, несомненно, свидетельствует о существовавшей еще в XIII в. практике поездок жителей восточной Норвегии к саамским шаманам и о борьбе церкви с языческим наследием.

Об отношении скандинавов к саамам в языческой Скандинавии свидетельствуют имена собственные, и прежде всего топонимы и имена с компонентом *Finn-* (Саами). Самым первым свидетельством такого типа оказывается руническая надпись из Берги (Эстерьетланд, около 500 г.), состоящая только из двух имен: мужского имени *saligastiR* и женского имени *fino*. В скандинавских языках слово *finnar* обозначало и саамов, и финнов, и значение «саами» сохраняется у этого слова в некоторых скандинавских диалектах до сих пор. То же значение имеет *fenni* у Тацита (I в. н. э.), *phinnoi* у Птолема (II в. н. э.) и *finnas* у Альфреда Великого (IX в. н. э.)⁶⁶.

Среди надписей младшими рунами я нашел 9 надписей с именем *Finnr* и 19 с компонентом *Finn-* в первой или второй части (*Guðfinnr, Hróðfinnr, Finnulfr, Arnfinnr, Gullfinnr*; или *Kolfinnr, Þorfinna, þorfinnr* и т. п.). Основная область распространения таких надписей — центральная Швеция и Норвегия, хотя подобные имена есть и в датских рунических надписях. В древнеисландской литературе мы также находим большое количество имен с *Finn-* (*Finnr, Finni, Finna, Finnbjörn, Finnbjörg, Þorfinnr, Þorfinna* и т. п.). Имена с компонентом *finn-* встречаются и в древних западногерманских языках (ср., др.-англ. *Merefin*, др.-франкск. *Fingast, Finn*).

В Скандинавии есть много топонимов, образованных от собственных имен с компонентом *Finn-*, причем не только в Норвегии и Швеции, где их, естественно, больше всего — ср., напр., норв. *Finnstad, Finnerud, Finnes, Finset*⁶⁷, шв. *Finninge* (1322), но и в Дании (*Findinge* (1386), *Finderup, altdä. Finnæthorp*).

Очевидно, однако, что распространение собственных имен и топонимов с компонентом *Finn-* в древней Скандинавии не может свидетельствовать об области обитания саамов. Но оно является несомненным свидетельством того, что отношение скандинавов к саамам в период появления и распространения этих имен было далеким от стигматизации. Только после распространения в Скандинавии христианства, когда большинство саамов еще оставалось язычниками (некоторые из них до XIX в.), изменилось и отношение скандинавов к саамам.

Изменение названия саамов в скандинавских языках свидетельствует как раз и об изменении отношения к саамам. Не имевшее отрицательной коннотации слово *finn(r)* было заменено в XIII–XIV вв. на слово *lapp(r)*, которое не только народная этимология связала с *lapp* «лоскут, лохмотья, заплатка», но и некоторые этимологи возводили либо к этому скандинавскому слову, либо к средненижнемецкому слову *lappe* «дурак», якобы так называли саамов ганзейские купцы⁶⁸. Никакому скандинаву никогда не приходило в голову назвать своего ребенка *Lapp*, тогда как имена с *Finn-* сохраняются в скандинавских странах, особенно в Исландии, до сих пор.

Все приведенное выше говорит о том, что в VIII–X вв. не было никаких социальных препятствий для проникновения черт, характерных для скандинавского языка саамов, в собственно скандинавские диалекты. С какой саамской интерференцией говорила по-скандинавски саамская жена Харальда Прекрасноволосого Снефрид со своими четырьмя сыновьями, сказать мы, конечно, не можем, но возможность описанной выше реинтерпретации скандинавских грамматических моделей в соответствии с грамматическими моделями родного языка в ее скандинавском языке вполне вероятна.

Таким образом, в результате реинтерпретации скандинавских местоимений и наречий в постпозиции как суффиксов, соответствующих саамским суффиксам с идентичным или сходным значением, в скандинавском языке саамов появились изоглоссы, которые, распространившись в собственно скандинавский ареал, стали отличать скандинавские языки от других германских языков. В первую очередь к таким изоглоссам относятся суффиксация определенного артикля, суффиксация медиа на *-s(k)* и суффиксация глагольного (*-a(t)*) и именного (*-gi/-ki*) отрицания.

¹ *Beukema F.* Five ways of saying no: the development of sentential negation in English in a Government and Binding perspective // *Negation in the History of English* / Ed. Ingrid Tielen-Boon et al. Berlin; New York, 1999. P. 9–27.

² *Nordén A.* Bidrag till svensk runforskning // *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitetsakademiens handlingar*. 1943. D. 55. N 3. S. 150; *Peterson L.* Svensk runordregister. Stockholm, 1989.

³ *Бондаренко В. Н.* Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.

⁴ *Delbrück B.* Germanische Syntax I. Zu den negativen Sätzen. 1910. S. 12–17. (Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlichen sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd 28.)

⁵ *Finnur Jónsson.* Den norsk-islandske skjaldedigtning. B (rettet text). Bd 1. 1912. S. 2–14.

⁶ *Sveinbjörn Egilsson.* Lexicon poeticum. Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog. 2. udg. ved Finnur Jónsson. København, 1931. S. 19–20.

⁷ *Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 2–3.

⁸ *Snorri.* Edda Snorra Sturlusonar utg af Finnur Jónsson. København, 1931. Kap. 55, 141.

⁹ *Delbrück B.* Op. cit.; *Coombs V. M.* A Semantic Syntax of Grammatical Negation in the Older Germanic Dialects. Göppingen. 1976. (Göppinger Arbeiten zur Germanistik N 177.)

- ¹⁰ Mourek V. E. Zur altgermanischen Negation. Die Negation in der älteren Edda // Sitzungsberichte der königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie. 1905. Bd. 8. S. 1–23; *Delbrück B.* Op. cit. S. 40.
- ¹¹ Kock A. Ordforskning i Eddan // Arkiv för nordisk filologi. 1911. Bd. 27. P. 134.
- ¹² Brate E. Västmanalagens Ijudlära. Stockholm, 1887.
- ¹³ *Delbrück B.* Op. cit. S. 31.
- ¹⁴ Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961. S. 2; *Blöndal Magnusson Ásgeir.* Íslensk orðsifjabók. Reykjavík, 1989. Bls. 1, 29.
- ¹⁵ *Mourek V. E.* Op. cit. S. 7.
- ¹⁶ *Neckel G.* Zu den germanischen Negationen // Zeitschrift für Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen. N. F. 1913. Bd. 45. S. 4.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 1–12.
- ¹⁸ *Blöndal Magnusson Ásgeir.* Op. cit. S. 244.
- ¹⁹ *Sveinbjörn Egilsson.* Op. cit. S. 638; *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. S. 199.
- ²⁰ *Delbrück B.* Op. cit. S. 31.
- ²¹ *Peterson L.* Op. cit.
- ²² *Бондаренко В. Н.* Указ. соч. С. 83.
- ²³ *Кузьменко Ю. К.* О причинах одной грамматической инновации в скандинавских языках: s-пассив // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В. М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 168–178; *Kusmenko Ju.* Den nordiska s(k)-formens uppkomst // Nordiska språk — insikter och utsikter / J. Kusmenko, S. Lange. Berlin, 2001. S. 125–139; *Kusmenko Ju.* Die Ursachen der Suffigierung des bestimmten Artikels in den skandinavischen Sprachen // Язык и речевая деятельность. 2002. Вып. 4; *Kusmenko J. K.* Der saamische Einfluß auf die skandinavischen Sprachen: Die Suffigierung des bestimmten Artikels und das s-Passiv. Third International Congress of EuroLinguistics in Mannheim. Mannheim, 2002.
- ²⁴ *Nickel K. P.* Samisk grammatikk. Oslo, 1990. S. 59.
- ²⁵ *Селицкая И. А.* Способ выражения общего отрицания в финском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 55.
- ²⁶ *Селицкая И. А.* Указ. соч. С. 53; *Бондаренко В. Н.* Указ. соч. С. 97.
- ²⁷ *Селицкая И. А.* Указ. соч. С. 57.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Бондаренко В. Н.* Указ. соч. С. 97.
- ³⁰ *Karelsen* // Советское финноугроведение. 1979. 15, № 2. С. 65.
- ³¹ Там же.
- ³² *Bergsland K.* Samisk grammatik. Sparsborg, 1961. S. 63.
- ³³ *Bergsland K.* Røros lappisk grammatik. Oslo, 1945. S. 297.
- ³⁴ *Collinder B.* Indo-uralisches Sprachgut. Die Urverwandschaft zwischen der indoeuropäischen und der uralischen (finnischugrisch-samojedischen) Sprachfamilie. Uppsala (Uppsala Universitetets Årsskrift 1934. Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper. 1). 1934. S. 61.
- ³⁵ *Korhonen M.* Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung II. Die nominalen Formkategorien. Helsinki, 1974. S. 50–63. (Mémoires de la société finno-ougrienne 155.)
- ³⁶ *Ibid.* S. 50–55.
- ³⁷ *Ibid.* S. 51–55.
- ³⁸ *Bartens H.-H.* Lehrbuch der saamischen (lappischen) Sprache. Hamburg, 1989.
- ³⁹ *Korhonen M.* Op. cit.
- ⁴⁰ *Ibid.* S. 55.
- ⁴¹ *Korhonen M.* Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung. I. Die finiten Formkategorien. Helsinki, 1967. S. 50. (Mémoires de la société finno-ougrienne 143.)

- ⁴² *Korhonen M.* Op. cit. II. S. 122, 123.
- ⁴³ *Ibid.* S. 123.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 122–123.
- ⁴⁵ *Кузьменко Ю. К.* Указ. соч.; *Kuzmenko Ir.* Op. cit.
- ⁴⁶ *Стеблин-Каменский М. И.* Древненсландский язык. Л., 1955. С. 171.
- ⁴⁷ *Blöndal Magnússon Ásgeir.* Op. cit. Bls. 146, 149, 154.
- ⁴⁸ *Collinder B.* Indo-uralisches Sprachgut. S. 60–61.
- ⁴⁹ *Neckel G.* Op. cit. S. 21–23.
- ⁵⁰ *Ibid.* S. 23.
- ⁵¹ *Cleasby R., Vigfusson G.* Op. cit. S. 121.
- ⁵² *Stenvik L. F.* Samer og nordmenn sett i lys av et uvanlig gravfunn fra Salte-området // *Viking* 1979. 1979. P. 136.
- ⁵³ *Zachrisson I.* Südliche Saamen — Archäologie und schriftliche Quellen // *Larsson L. G.* (red.) *Laponica et uralica.* Uppsala, 1996; *Zachrisson I.* Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm, 1997.
- ⁵⁴ *Zachrisson I.* Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien. S. 219.
- ⁵⁵ *Ibid.*
- ⁵⁶ *Snorri.* Heimskringla. København, 1945–1951. Kap. 25, 33.
- ⁵⁷ *Finnur Jónsson.* Op. cit. S. 5.
- ⁵⁸ *Ibid;* *Kock E. A.* Den norsk-isländska skaldediktningen reviderad av Ernst A. Kock. Lund. 1946. Bd. 1. S. 3.
- ⁵⁹ *Snorri.* Heimskringla. København, 1945–1951. Kap. 25.
- ⁶⁰ *Ibid.*
- ⁶¹ *Olsen M., Bergsland K.* Lappisk i en islandsk runeinskrift. Oslo, 1943. (Avhandlingar utg. av det Norske Videnskapsakademi i Oslo, II kl. 1943. N 3.) S. 5–7.
- ⁶² *Hermann Pålsson.* The Sami People in Old Norse Literature. Tromsø, 1999. S. 48. (Nordlit. Arbejdstidskrift i litteratur 5.)
- ⁶³ *Zachrisson I.* Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien. S. 131.
- ⁶⁴ *Zachrisson I.* Südliche Saamen — Archäologie und schriftliche Quellen. S. 130.
- ⁶⁵ *Zachrisson I.* Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien. Fig. 139.
- ⁶⁶ *Collinder B.* Lapparna // Hrs. Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid. I. Andersson. Stockholm; Oslo; København, 1965. S. 276–277.
- ⁶⁷ *Rygh O.* Gamle personnavne i norske stedsnavne. Kristiania, 1901. S. 19, 36, 68.
- ⁶⁸ *Blöndal Magnússon Ásgeir.* Op. cit. Bls. 545.